

The background of the entire cover is a photograph of a person standing at the far end of a long, dark, and textured tunnel. A bright, circular light emanates from the person, creating a strong lens flare effect that fills the center of the image. The tunnel's walls are rough and uneven, with some faint markings or patterns. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the bright white/yellow of the light source.

ИНЕССА ДАВЫДОВА

**МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ
ДОКТОРА КРАЗЕ**

**МЕРТВЫЙ АНГЕЛ
ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ
БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТЫЙ**

18+

Инесса Рафаиловна Давыдова
Мистические истории
доктора Краузе. Сборник №2
Серия «Мистические истории
доктора Краузе», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39824500

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-08009-6

Аннотация

Сборник включает в себя более пятнадцати рассказов о практике и драматических событиях из личной жизни московского гипнолога Эриха Краузе. Каждый рассказ – это отдельно взятая история пациента, обратившегося к доктору с загадкой, которую нельзя решить традиционным методом. В своей практике доктор использует уникальную методику погружения в предыдущие инкарнации, которая помогает пациентам понять и преодолеть свои страхи и фобии.

Содержание

История четвертая	4
Глава первая	5
Глава вторая	35
Глава третья	64
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Инесса Давыдова Мистические истории доктора Краузе. Сборник №2

История четвертая Мертвый ангел

*Мы не можем постичь ангела
отличным от человеческой формы,
вот только два крыла показывают
его большую близость к небесам.
Хан Хидаят Инаят «Учения суфиев»*

Глава первая

Через панорамное окно аэропорта Домодедово Краузе любовался первыми всполохами восходящего солнца. Безоблачное небо сулило солнечный день. Метеорологи обещали в июле в Москве жаркую погоду без осадков. Хотя московское лето нельзя сравнить с сицилийским, которым Краузе наслаждался последние полтора месяца, он рассчитывал еще до наступления сентября пару раз съездить на рыбалку на Сенежское озеро.

Через стекло стойки паспортного контроля на доктора устало смотрел тучный офицер пограничной службы.

– Летели один? – он еле подавил зевок и сверил фотографию с оригиналом.

Из-за гула голосов Краузе не расслышал вопрос, таможенник повторил уже громче, и доктор утвердительно кивнул. В голову закралась мысль, что теперь ему всегда суждено летать в одиночестве. Вариант, что со временем Елену могла заменить другая женщина, им не рассматривался.

Офицер проштамповал и вернул паспорт. Краузе направился в зону получения багажа и взглядом отыскивал свои чемоданы. Снял два чемодана с багажной ленты и пошел к выходу. Впереди замаячила внушительная фигура его водителя.

– Здравствуйте, Эрих, позвольте, я сам, – Василий взял

чемоданы. – Как долетели?

– Сносно, – ответил Краузе и откинул назад длинную непослушную челку. – Не знаю, что меня сподобило купить билет на ночной рейс...

Сильный удар в плечо бегущего здоровяка против потока пассажиров заставил Краузе скорчиться от боли.

– ...но точно не тоска по Родине, – Эрих потер плечо и застонал.

На парковке Василий открыл перед доктором дверь и погрузил чемоданы в багажник «Ягуара».

– Вчера заглядывал первый покупатель, – водитель завел двигатель и вырулил со стоянки.

Краузе распродавал все свое имущество, поэтому уточнил:

– Покупатель чего?

– Коллекции вин.

Василий вставил парковочный билет в автомат. Шлагбаум открылся, и «Ягуар», набирая скорость, плавно выкатил на шоссе.

– Станный тип, говорил с акцентом, то ли эстонец, то ли немец.

Продажу имущества Эрих доверил своему адвокату. Так как тот о покупателе ничего не говорил, доктор решил, что сделка сорвалась.

– Ему очень понравилось винохранилище, просил дать контакты производителя.

– Какой моветон, – возмутился доктор.

Разговор прервал характерный сигнал поступившего сообщения на электронную почту. Эрих потянулся к телефону. В папке «Входящие» непрочитанными были отмечены три письма: реклама его любимой марки часов, сообщение от Светланы Анисимовой и письмо от Зои. Светлана просила позвонить, как только он ступит на московскую землю, а вот дочь последнего пациента не была так лаконична, как его коллега. Похоже, она настойчиво пыталась продолжить дружбу, в которой Эрих, со всем к ней уважением, не видел смысла. Читая, на его взгляд, слишком длинное письмо, он подумал, что Зоя похожа на девушку Серебряного века: эталонное тело, изысканно легкая походка, шея хрупкая, как стебель цветка, черные миндалевидные глаза. Ему даже вспомнились слова художника Серова «оживший архаический барельеф», правда, он позабыл, в чей адрес они были сказаны.

«Дорогой Эрих (позвольте мне Вас так называть), меня обрадовала весть о том, что Вы возвращаетесь! Смею напомнить, что Вы мне задолжали сеанс гипноза и приглашение в Ваш чудесный дом (я все еще нахожусь в поиске своего идеала). То бюро, что Вы посоветовали, не впечатлило меня своим портфолио.

Немного новостей о папе: в должности его не восстановили, но кажется, что он не так уж этим расстроен. Как

всегда наш дом полон его друзей и партнеров по бизнесу. Обсуждают новые проекты. Так же есть слухи о назначении папы на должность председателя правительственной комиссии в области электроэнергетики.

Как Вы помните, у них с мамой перезагрузка в отношениях, вроде пока все хорошо. По крайней мере, они так говорят, но мама не из тех женщин, что прощают рукоприкладство. Поэтому никто не знает, что на самом деле творится за закрытой дверью их спальни.

Неделю назад мы вернулись из Исландии. Вы там бывали? Фантастический ландшафт, но второй раз меня туда не затащить даже под дулом пистолета. Ветрено, холодно даже летом и как-то одиноко.

Теперь о грустном. Мой брат, тот, что постарше, перешел от кукол к моей одежде. Вчера мама нашла в его шкафу мои изрезанные платья, в основном вечерние. Хорошо, что не тронул то, в котором я была на «Тоске». Оно напоминает мне о Вас. Я вообще о Вас много думаю. Наверное, это ненормально. Мама говорит, что мне пора задуматься о будущем муже, каким я его вижу, и т.д. Мне кажется, они с папой ищут мне жениха и чувства, которыми я к Вам воспылала, их только подталкивают. Я уже не в силах им противостоять – пусть ищут. Может, тогда я забуду о Вас...»

Как и в предыдущие разы, письмо резко обрывалось, по-

чему-то она их не подписывала, это было ее сигнатурой. Раньше письма приходили с периодичностью раз в две недели и имели осторожный и разведывательный характер, будто девушка решила подкрасться незаметно к лани и, чтобы не спугнуть ее случайно треснувшей под ногой веткой, не шла, а порхала по воздуху. В них она обычно делилась своими наблюдениями о жизни. В этом же письме было первое проявление девичьих чувств, что означало: от разведки она перешла к намекам, чтобы искусно подтолкнуть его на действия. Откровенный тон письма Эрих объяснил своим возвращением в Москву.

Доктор набрал номер мобильного телефона сокурсницы. Светлана ответила после второго гудка и, узнав, что он едет домой из Домодедово, громогласно заголосила:

– Эрих! Боже мой, мне столько всего нужно тебе рассказать! Мы можем увидеться? Я сейчас на встрече, но через час освобожусь и могу к тебе подъехать. Это очень важно и не терпит отлагательств!

Краузе отпрянул от трубки, потер ухо и поморщился. Своим визгом она чуть не лишила его барабанной перепонки. В его планы не входило близкое общение с кем бы то ни было в ближайшее время, поэтому Эрих попытался уклониться:

– Сегодня точно не могу. Устал после перелета. Я позвоню тебе на следующей неделе.

– Никакой недели! – запротестовала обиженно коллега. – У нас тут ЧП. Ты, наверняка, не знаешь. Вчера все наши со-

бирались в ресторане в «Москва-Сити» и приняли единоегласное решение, что в этой ситуации сможешь разобраться только ты.

– В какой ситуации? – обреченно вздыхая, спросил Эрих и уже пожалел, что позвонил.

– Пастырь в реанимации.

Она говорила об их сокурснике Алексее Мартынове, которого прозвали Пастырем из-за постоянной критики «низких» моральных принципов своих одноклассников.

– Что с ним? – удивился Эрих.

– Не телефонный разговор, – ее голос зазвучал на тон тише.

– Послушай, не обижайся, но я сейчас не в состоянии кому-то помогать... – Эрих застонал и тут же внес поправку, – *пока* не в состоянии. Я ведь не медик, чем я ему помогу?

– Поверь мне, ему нужен только ты, – продолжала настаивать Светлана. – Разве я хоть раз была не права, передавая тебе пациентов?

– Хорошо, – сдался Краузе. – Давай встретимся.

Ворота распахнулись, «Ягуар» подъехал к коттеджу. Эрих вышел из машины и встал перед парадным входом. Через стеклянную фасадную стену была видна мебель, накрытая белыми простынями, походившая на заснеженные горы. Сейчас калифорнийский стиль дома уже не казался такой хорошей идеей. После потери жены Эриху хотелось уединения и обособленности. Он вспомнил, как жена неоднократно жа-

ловалась на безграничное пространство. «Я словно манекен в витрине магазина», – повторяла она как заведенная. Тогда он воспринимал это как каприз, ведь он редко советовался с ней по вопросам дизайна и архитектуры, а теперь наконец-то понял, какой дискомфорт испытывала жена на протяжении многих лет. От чувства вины к горлу подкатил комок.

Входная дверь распахнулась, Эрих увидел свою помощницу по хозяйству. Он заметил, что за последние восемь месяцев она сильно сдала: исхудала, под глазами появились темные круги, которые через линзы очков выглядели на лице гигантскими пятнами.

– Эрих! – она бросилась ему навстречу.

Сердце доктора сжалось, с такой искренней радостью его встречала только покойная мать.

– Как же замечательно, что ты вернулся! Мне даже не верится!

– Здравствуйте, дорогая Вера Ивановна, – он приобнял женщину и похлопал по плечу.

Эрих не стал озвучивать беспокойство по поводу ее здоровья, она воспринимала его заботу как предвестницу увольнения, а найти работу на седьмом десятке было весьма проблематично.

Вместе они поднялись по ступеням и зашли в дом. Несколько минут ему дали осмотреться, и прежде чем на Эриха навалились воспоминания и чувство потери, посыпался шквал вопросов. Он осматривал комнату за комнатой,

убеждаясь, что кое-что Островский успел уже продать. Вера Ивановна и Василий шли за ним по пятам и с преувеличенным восторгом слушали его рассказы о поездке по Сицилии. Когда все этажи были тщательно осмотрены, Эрих вернулся в гостиную и посмотрел на стену над камином, где раньше висел портрет жены. Он помнил, как после звонка адвоката о начале показа дома попросил Василия перевесить портрет в спальню.

Итак, решение принято: продать дом, а также все имущество, приобретенное вместе с Еленой, и начать новую жизнь. Но прежде чем шагнуть в будущее, нужно отдать дань прошлому – доктор почувствовал, что пора посетить могилу жены, где он не был со дня похорон.

***

Через два часа приехала Анисимова, Василий проводил ее в кабинет. После восторженных отзывов о ландшафте и доме, в котором она была впервые, Светлана расположилась на диване и заговорила в своей привычной манере – скороговоркой:

– Это случилось позавчера в павильоне игры в пейнтбол. Алексей со своими сыновьями играл против другой команды. Вдруг ни с того ни с сего к нему подбегает незнакомый мальчик пубертатного возраста и вонзает ему между пятым и шестым ребрами нож.

– С ума сойти! – ужаснулся Эрих. – Юноша был под допингом?

– Нет, в крови ничего не нашли. Совершенно адекватный, здоровый подросток и, по словам родителей, послушный и воспитанный.

– Как он это объяснил?

– Прежде чем ударить ножом, он прокричал: «Ты убил мою сестру»!

По выражению лица подруги Эрих понял, что эта реплика является главной загадкой, и спросил:

– А у него есть сестра?

– Нет.

– Сколько ему лет?

– Четырнадцать, – вздохнула Светлана. – После произошедшего его сразу отвезли на психиатрическое освидетельствование. Вердикт: вменяем! Родители в шоке. Ничего не могут понять. Все было нормально, а потом бах, ребенок галлюцинирует и проявляет деструктивное поведение.

Эрих фыркнул и отмахнулся.

– А чего ты хотела? Компьютерные игры, молодежные движения... Может он, таким образом, выбил себе билет в какое-нибудь закрытое сообщество.

Анисимова состроила недовольную гримасу, давая понять, что эти версии родители тоже отработали.

– Прежде чем встретиться с подростком, нужно заручиться согласием его родителей и Пастыря.

– Безусловно, но это только в том случае, если я возьмусь тебе помогать, – предотвращая реакцию коллеги, глаза которой заискрились от возмущения, как бенгальские огни, Эрих предупреждающе выставил вперед руку. – У меня сейчас непростой период. Ты видела коробки внизу?

Она кивнула.

– Я избавляюсь от прошлого, чтобы двигаться в будущее. И сложнее сказать, чем сделать.

– Понимаю.

– Нет, Анисимова, ты *не* понимаешь. Я сто раз говорил это своим пациентам, но понятия не имел, что это такое, пока сам не испытал. Это даже не смерть родителей... Их уход воспринимаешь по-другому... Твой мозг не взрывается на тысячу мелких осколков. Детям положено хоронить родителей, особенно если они в преклонном возрасте. Когда погибла жена, я думал, что сойду с ума. В прямом смысле... Без всяких преувеличений...

Взгляд Светланы смягчился.

– На какой ты сейчас стадии скорби?

– Отрицание и гнев я уже прошел. Перехожу от всепоглощающего чувства вины к депрессии.

Эрих с горечью усмехнулся. Светлана заметила увлажнившиеся глаза коллеги и отвела взгляд, чтобы дать ему собраться.

– Прямо в аккурат пятьдесят на пятьдесят. Полдня депрессию, полдня извожу себя за все, что с ней случилось.

Светлана знала, что успокаивать и проявлять сочувствие сейчас нельзя, от этого Эриху станет только хуже. Да и разговор неминуемо ушел бы в сторону трагической гибели жены и предшествующим этому событиям, а ей этого не хотелось.

– Из депрессии может вывести только работа. Пациентов у тебя пока нет... так что... предлагаю заняться этим делом.

– Я раздавлен, не могу справиться с мыслями, – Эрих простонал и с мучительной гримасой начал заламывать руки, но не стал озвучивать свои сомнения в том, что сможет ли ему помочь вообще хоть что-нибудь.

– Ты не один, Эрих. У тебя есть друзья. Мы тебе поможем. Сидеть без дела сейчас очень опасно, я тебе настоятельно рекомендую как можно быстрее взяться за работу и съехать отсюда. Здесь все будет напоминать о ней.

– У нее есть имя, – рявкнул Краузе с обидой.

– Было... у нее было имя, – осторожно поправила его коллега.

– Ты не представляешь, как это обидно звучит! И больно... – подбородок Эриха затрясся, на глаза навернулись слезы.

– Ты прав. Не представляю. Но как психолог могу тебе сказать, что бесцельное шатание по этому дому доведет тебя до психоза.

Краузе вскочил, пересек комнату и встал у окна. Минуту он молчал, потом сказал, что готов помочь студенческому другу, но только с согласия всех сторон.

– Я рада, что убедила тебя, – Светлана поднялась и взяла свою сумку. – Завтра с утра и начнем. Созвонюсь с Алексеем, навестим его в больнице.

С этими словами Светлана покинула коттедж. Через открытое окно Эрих смотрел, как ее машина выезжала со двора.

Спустившись на первый этаж, он решил отсортировать вещи, раскрыл первую попавшуюся на глаза коробку и замер. В ней находились видеокассеты, на которых были записаны семейные торжества: дни рождения, годовщины свадьбы, отпусковые поездки. Он огляделся в поисках видеомagneтoфона. Вся техника была упакована в коробки, а их было так много, что на поиски могла уйти целая вечность. Эрих позвал Василия и спросил, в какой коробке видеомagneтoфон.

– Я отродясь у вас его не видел, – выпалил Василий с виноватым видом, – но если он вам нужен, могу привезти свой из дома.

– Наверное, мы его выкинули, – предположил Краузе. – Это же прошлый век. Если не трудно – привези. Хочу посмотреть все кассеты и оцифровать.

– Кассет много, это фигова туча часов, – небрежно подметил Василий, – если хотите, я могу помочь.

– Нет-нет, – запротестовал Эрих и поспешно закрыл коробку, – это моя фигова туча... и только моя...

Василий смутился.

– Простите, брякнул не подумав.

– Все в порядке. Привези видеомагнитофон как можно быстрее.

Василий кивнул и, пряча глаза, поспешно вышел. Эрих стоял посреди гостиной и с обреченным видом смотрел на коробку с семейным видеоархивом. На магнитной ленте из полистирола, словно в летописи, запечатлены все основные моменты его жизни. Жизни, которой у него уже никогда не будет.

***

Через открытую дверь палаты Эрих наблюдал, как по коридору туда-сюда сновали врачи и медсестры. Алексея перевели из реанимации в терапию, и поток посетителей не иссякал. Светлана и Эрих проскользнули в палату в промежутке между посещением семьи и коллег по работе.

– Выглядишь как огурчик! – нарочито бодро выдала Анисимова, игнорируя реальное состояние больного.

– Я сейчас как после Галочки с Фенечкой¹, – улыбнулся Мартынов Краузе, и оба вспомнили, как в первый год работы на спор выпили сильнодействующий фармакологический коктейль.

Лицо Алексея было бледным, как медицинский халат только что вышедшей из палаты медсестры. Взгляд потух-

---

¹ Галочка с Фенечкой (мед.сленг) – комбинация препаратов галоперидола и феназепама.

ший.

– Неужели Анисимова и тебя в это втянула? – переведя взгляд на сокурсницу, он язвительно спросил: – Небось еще и уговаривала?

– Не без этого, – смущенно признался Эрих.

– Нашла кому мозги базикалить! Окстись, Анисимова!

– Между прочим, я вам обоим одолжение делаю, – не сдавалась Светлана. – Потом еще спасибо скажете.

Эрих постарался увести разговор в другое русло:

– Как прошла операция?

После длинного рассказа о том, как его по пробкам везли в карете Скорой помощи в больницу, а затем готовили к операции, Алексей не выдержал и признался:

– На самом деле я жутко рад, что ты пришел. Случившееся со мной явно по твоей части.

– Расскажи, что случилось.

– Помню безумные глаза мальчишки и крик, что я кого-то убил. Все произошло так быстро, что я сразу-то и не понял, что он меня ножом ударил. Думал, что просто какой-то палкой. Боль была жуткой. Только когда сын мой закричал... у меня ноги подкосились... упал на колени и вытаращился на пацана, а тот сразу в себя пришел и начал рыдать... Нес какую-то околесицу.

– Леша, мы хотим поработать с мальчиком, – призналась Анисимова. – Если все оставить как есть, то он еще кого-нибудь покалечит.

В коридоре послышались металлический лязг и короткая перепалка, Эрих вздрогнул и метнул на дверь опасливый взгляд. Со дня смерти жены он нервно реагировал на резкие движения и громкие звуки.

– Завтрак, – многозначительно пояснил Алексей. – Жду не дожусь, когда отсюда сбегу.

– Даже не думай, – Светлана жестом показала, что будет за ним следить.

– Мальчишку Максимом зовут. Я-то не против, чтобы вы подключились, но думаю, что его родители навряд ли это допустят – в полиции уже дело возбуждено. Они во что бы то ни стало оградят его от любых специалистов, которые смогут навредить защите. А когда услышат про регресс и гипноз, вообще в штыки воспримут.

– Надо попытаться, – настаивала Светлана, – у тебя есть их телефон?

Придерживая стягивающую повязку на животе, Алексей потянулся к тумбочке за телефоном и продиктовал номера.

– Вам лучше говорить с матерью. Она хотела что-то мне рассказать, но муж не позволил.

– Отлично, есть от чего оттолкнуться.

– Прими мои соболезнования, – обратился Алексей к Эриху, и тот сразу почувствовал, как очередная волна душевной боли подкатывает к груди. – Елена была замечательной женщиной. Жизнь несправедлива.

Эрих еле заметно кивнул и кинул на Анисимову красно-

речивый взгляд, давая понять, что им пора уходить. Пожелав коллеге скорейшего выздоровления, они покинули больницу, спустились на парковку и разместились в «Ягуаре».

– Как собираешься подступиться к его родителям?

Светлана набрала номер матери Максима и договорилась о встрече.

– Вуаля, – улыбнулась она и игриво поправила длинные русые волосы.

– Я уже начал забывать, какая ты расторопная, – усмехнулся Эрих.

– Разве я тебе это позволю? – подмигнула ему Анисимова.

В его памяти возник первый день учебы в институте. Она сама под села к нему на первой паре и завела разговор. С этого момента они редко расставались. Их отношения никогда не выходили за рамки дружеских, может, потому, что внимание Эриха всегда было приковано к другим девушкам.

– Если так, сделай чудо: договорись о встрече с психиатром Елены. Она избегает меня как черт лаdana. Не знаю, что она там обо мне надумала, но я просто хочу поговорить.

Лицо Светланы помрачнело.

– Может, тебе оставить все это в прошлом? Не зря ведь Елена от тебя это скрывала.

– Никак не могу отпустить ее саму и ее боль. Будто в этом кроется разгадка всего: ее внезапного отъезда, недомолвок, секретов, неоткуда взявшегося любовника! Ты бы его видела! Слизняк... – Краузе брезгливо поморщился. –

Это не уровень моей жены. Трудно себе представить, как такая утонченная и возвышенная женщина могла оказаться в дешевом отеле с лысым коротышкой.

– Ох, Эрих, не бери ты прошлое, пусть оно уйдет вместе со скорбью.

Но Краузе будто не слышал ее.

– Так договоришься? Кто, если не ты?

– Я что тебе, секретарша? – наигранно грозно произнесла Светлана.

Бровь Эриха вопросительно изогнулась.

– Ладно, скидывай ее данные, наведу справки и узнаю, почему эта птица тебя динамит.

Эрих улыбнулся и наградил ее благодарным взглядом.

Пока они ехали к месту встречи, Светлана вкратце рассказала об изменениях в своей жизни. Она закончила ремонт в квартире и пошла на курсы самосовершенствования. Эрих не смог скрыть своего удивления, но Светлана сделала поправку: это ради лечения очередного пациента. Ему задурили голову личностным ростом, и тот, переосмыслив всю свою жизнь, ушел из семьи, бросил двоих детей и уволился с работы, которую добивался несколько лет.

Щебетания коллеги отвлекли Эриха от личной драмы, взяться за новое дело уже не казалось такой уж неудачной идеей. В нем нуждались, его уговаривали, а значит, среди коллег он все еще считается авторитетом в своей области. Он выпрямился и расправил плечи. Следом пришли мысли о

новом офисе, о поиске помощницы, о возобновлении работы школы гипноза. Словом, бурлящая энергия подруги придала ему сил и пробудила готовность к работе.

***

У «Старбакса» стояла стройная невысокая брюнетка в облегающем зеленом платье и нервно теребила плетеный пояс. Ее зоркий взгляд безошибочно выцепил Анисимову из толпы. Сдержанно улыбнувшись, женщина кивком показала на дверь кофейни.

– Ее зовут Ирина Анатольевна Козырева, она была удивлена моему звонку, но не отшила сразу, а значит, у нас есть шанс, – проинструктировала коллегу вполголоса Светлана.

Увидев Краузе, глаза женщины на секунду вспыхнули, но она быстро взяла себя в руки. По ее реакции Эрих понял, что она знает, кто он и чем занимается.

– У меня буквально полчаса, не больше. Потом я должна вернуться в офис, – на ходу предупредила Ирина и первой вошла в уютный небольшой зал, пропитанный ароматом кофе и выпечки.

Не успела за ними закрыться дверь, как рыжеволосая девушка за стойкой нарочито громко их поприветствовала. Эрих взглянул на девушку и вздрогнул, она напомнила ему Асту – последнюю жертву убийцы его жены. Такая же огненная копна волос и бледная, как фарфор, кожа. На мгновение

в памяти всплыл окровавленный гостиничный номер, от чего доктор потерял связь с реальностью и замер как вкопанный.

– Эрих? – Анисимова тут же вывела его из ступора. – Все в порядке?

Крузе заморгал и, глядя на встревоженную коллегу, кивнул.

Кофейня была полупуста, звуки их шагов по каменному полу эхом разносились в пространстве.

– Я не совсем понимаю причину нашей встречи... – начала Ирина после того, как они разместились за столиком у окна.

Она лукавила, Эрих сразу это понял. Ему показалось, что увидев его, она даже испытала облегчение. Поэтому он сразу пошел ва-банк, не дав ей время на раздумья.

– Когда впервые ваш сын заговорил о прошлой жизни?

Ирина замерла, судорожно соображая, как ей реагировать.

– Это Эрих Краuze – мой коллега, – пояснила Светлана.

– Я знаю, кто он, – призналась Ирина, – мы дважды хотели записаться на прием, но по разным причинам откладывали.

– И вот к чему это привело, – Эрих даже не старался быть вежливым.

Ирина одарила его недовольным взглядом и попыталась объяснить:

– Мой муж на дух не переносит разговоры о реинкарна-

ции, а вас, Эрих, уж простите, называет шарлатаном. Сказал, что ни копейки не потратит на эту чушь.

– Не он один, – съязвил Эрих. – Так когда?

Козырева немного наклонилась вперед, чтобы ее ответ не был слышен группе подростков за соседним столиком.

– Как только начал соединять слова в предложения. Сначала это были единичные реплики: «У моей другой мамы белые волосы» или «А раньше я жил в большом каменном доме». Потом он начал рассказывать целые истории о жизни в той семье. Он помнил имена своих родителей, братьев и сестер. Судя по их числу, семья была большая. Иногда вставлял слова на непонятном языке, как выяснилось позже – финском.

– Он рассказывал о своей смерти?

– Нет, никогда.

– А о том, что его беспокоило в той семье? Может, о своих обидах?

Ирина покачала головой.

– Когда он пошел в школу, все прекратилось, то ли его одноклассники подняли на смех, то ли сын среагировал на угрозы отца. Так или иначе, он больше не делился воспоминаниями. Я думала, что все прекратилось, но... – она тяжело вздохнула, – оказалось, что он просто замкнулся в себе.

– Обычная реакция, – вставил Краузе.

– А чем угрожал ему отец? – поинтересовалась Светлана.

– Его поинт² звучал так: если не прекратит разговоры о воображаемой семье, он положит его в психушку.

Светлана выпучила глаза.

– Я вас правильно поняла: вы так и не повели его к психологу?

– Нет. Муж сказал, что сын скоро повзрослеет и поумнеет, поймет разницу между детским вымыслом и реальностью, – она прочитала поступившее сообщение и фыркнула. – Как, впрочем, в итоге и произошло.

Зазвонил ее мобильник, Ирина извинилась и без предисловий застрочила:

– Я уже утвердила тайминг³ и бенефиты⁴. Вышли мне самэри⁵ с последней встречи и возьми с собой хендауты⁶!

Отбив звонок, она жестом показал, что готова к разговору.

– Если говорить об итогах: ваш сын пырнул ножом нашего коллегу, отца двоих детей, – отчеканил Эрих ледяным тоном. – Нельзя игнорировать его воспоминания. Не каждый ребенок помнит о прошлой жизни. Вашему сыну нужна помощь гипнолога. Ему необходимо осмыслить, что из того что он пережил в прошлой жизни, осталось незавершенным.

---

² Поинт – (англ. Point) – основной аргумент.

³ Тайминг – (англ. Timing) – временные рамки.

⁴ Бенефиты – (англ. Benefit) – выгода, преимущество.

⁵ Самэри (англ. Summery) – сводка, содержание.

⁶ Хендауты – (англ. Hand out) – раздаточный материал.

– Вы поможете ему? – в голосе Ирины слышалась мольба.

Краузе медлил, сверля ее пронзительным взглядом. Ирина заерзала и весомо добавила:

– Мужа беру на себя.

– Вы знакомы с моими расценками?

Она кивнула.

– Хочу сразу вас предупредить: ничего из того, что будет сказано во время сеанса, вы не сможете использовать в суде.

– Понимаю, – Ирина взглянула на часы. – Извините, у меня дедлайн⁷. Мой телефон у вас есть, скиньте мне смс с адресом и временем встречи. Мне пора – совещание.

Ирина попрощалась и семенящей походкой покинула кафе, оставляя после себя насыщенный аромат терпких духов.

– Как можно такое игнорировать? Это же твой ребенок! Неужели так трудно привезти его к специалисту?

– Не все верят в психологию.

– Она что-то скрывает, – Светлана смотрела, как Ирина садится в служебный автомобиль.

– Скрытность – ее природа. У этой женщины много тайн, – Эрих сам не понял, почему так сказал.

– Ого! Что это было? Пророчество или прозорливость? – Светлану явно позабавила последняя реплика коллеги. – Ты изменился!

– Ты о чем? – Краузе нахмурился.

---

⁷ Дедлайн (англ.) deadline – крайний срок, к которому должна быть выполнена задача.

– Стал такой загадочный, проницательный. Я бы даже сказала, напористый.

– Все мы с возрастом меняемся, – отмахнулся от нее Эрих.

Светлана была не согласна, дело было не в возрасте, скорее, на друга повлияла перенесенная душевная травма, но тему развивать не стала.

– Как думаешь, она приведет к тебе сына?

– Безусловно. Хочешь присутствовать на сеансе?

– Нет, не буду тебе мешать, Это твоя вотчина, предпочту запись.

***

Вернувшись домой, Эрих сел перед ноутбуком и стал просматривать электронную почту. В папке «Входящие» все еще лежало неотвеченное письмо от Зои. Настроение было мрачным. Эрих быстро накидал ответ, тон письма вышел довольно жестким и холодным. Его раздражала ее настойчивость. Девушка бесцеремонно вторгалась в его сумрачный мир, наполненный горем и скорбью. Из всех сил она пыталась проложить между ними мостик понимания и взаимопомощи, но он ее желаний не разделял. Печаль сжимала его сердце, заставляла избегать общения. Внутри него расплзалась большая черная дыра, которая поглощала все, чем он раньше дорожил, в чем находил смысл жизни.

Эрих навел курсор мыши на кнопку «Отправить», но его

отвлек звонок мобильного телефона.

– Краузе, – пробурчал он недовольно в трубку.

– Добрый вечер, Эрих, – послышался уже знакомый голос, – это Ирина. Мы сегодня с вами встречались.

– Да, Ирина, – он снял очки, откинулся на спинку кресла и закинул ногу на ногу, – добрый вечер.

– Ваш телефон мне дала Светлана, сказала, что я могу обратиться к вам напрямую.

– Слушаю вас.

– Мы все же хотим воспользоваться вашими услугами. Я полностью с вами согласна, нельзя опускать руки. Все будет только ухудшаться. Скажите, когда вы сможете нас принять?

– О-хо-хо, дайте подумать, – Эрих потер переносицу. – Видите ли, офиса сейчас у меня нет.

– Я это поняла, пытаюсь дозвониться по старым телефонам.

Эрих поднялся с кресла и встал у окна. В голове промелькнули несколько вариантов, где бы он мог провести сеанс, но все они были отвергнуты по тем или иным причинам.

– А знаете что, давайте у меня дома, – Эрих продиктовал адрес. – Завтра часиков так в десять утра вас устроит?

Ирина пообещала привести сына.

После разговора Эрих наблюдал, как в ворота через улицу заезжает «Ауди» его соседа Аркадия. Он выбирается из машины, накидывает пиджак и идет к дому. Ему навстречу выбегает дочь, затем в дверном проеме появляется жена. Серд-

це Эриха так сильно сжалось, что он непроизвольно начал растирать грудь. Он сделал над собой усилие и оторвался от идиллической картинки, вернулся к ноутбуку и взглянул на все еще неотправленное письмо. Рука снова потянулась к мышке, но и на этот раз ему помешали.

Позвонила Светлана и рассказала о разговоре с Дубровой – психиатром Елены. По ее словам, Жанна готова говорить о покойной пациентке, но только на своих условиях.

– На каких? – напрягся Эрих и забарабанил пальцами по столу.

– Она будет говорить только в рамках проводимых с Еленой сеансов. Из того, что она от нее слышала, вам предстоит долгий разговор, который Жанна предлагает разбить на несколько встреч.

– Что за чушь! – усмехнулся Эрих. – Пациентов нет, так использует любой случай, чтобы затащить к себе на кушетку коллегу? Осталось еще выйти на улицу и зазывать прохожих в мегафон.

Анисимова сдержала натиск друга с выдержкой самурая и заверила, что у Дубровой с пациентами полный набор, и если он даст согласие, ей придется жертвовать одним из своих выходных. Эрих закусил губу и задумался. Посетить Дуброву он планировал давно, она могла внести ясность в психологическое состояние жены до отъезда из Москвы. Возможно, Елена была настолько откровенна со своим психиатром, что рассказала о Рихтере.

– Хорошо, пусть запишет меня на любое удобное для нее время, – процедил с недовольством Эрих.

Закончив разговор, он обессиленно плюхнулся в кресло и тяжело вздохнул. В памяти снова возник образ жены: утонченные черты лица, длинные шелковистые волосы цвета пшеницы, синие бездонные глаза, так долго сводившие его с ума. Преданный и любящий взгляд, который говорил ему: «Я всегда буду с тобой». А еще ее улыбка: загадочная, манящая, сулящая трепетную незабываемую ночь.

Он пошерудил мышкой, экран снова ожил, и перед ним предстало все то же письмо.

– Ох, Зоя, почему ты выбрала меня? – прошептал Эрих и навел курсор на кнопку «Отправить».

Глаза зацепились за одну фразу, затем за другую. Почему он так строг и холоден? Почему ее желание сблизиться вызывает у него такое отторжение и злость? Ведь девушка обладает столькими достоинствами: образована, хорошо воспитана, разделяет многие его увлечения, например, любовь к архитектуре и поэзии. Конечно, он не будет давать ей надежды, но почему бы просто не общаться по-дружески, тем более ее отец сдержал слово и нашел убийцу его жены. Он выделил текст письма, нажал на Delete и выдохнул с облегчением. Вместо ледяного послания, красноречиво говорившего о его настроении, написал коротенькую фразу: «Прилетел в Москву. Завтра у меня новый пациент. Просмотр дома организую, как только наведу порядок. Эрих».

Вера Ивановна заглянула в кабинет, доложила о готовности ужина и спросила, где ему накрыть.

— Я поем на кухне.

Эрих уже хотел покинуть комнату, как характерный звуковой сигнал возвестил о новом поступившем сообщении. Неужели Зоя так быстро ответила? Эрих вернулся к ноутбуку и открыл папку «Входящие». Письмо оказалось не от Зои, а от детектива Михаила Крюкова, который помогал напасть на след жены, а потом и в поимке убийцы. Михаил прислал ссылку на репортаж немецкого журналиста, освещающего процесс суда над Артуром Рихтером. Ссылка открылась на пятой секунде. Журналист стоял перед высокими воротами тюремной больницы и возбужденно говорил о том, что несколько часов назад Артур Рихтер, признанный виновным в убийствах четырех женщин, повесился в своей камере.

Краузе откинулся на спинку кресла и в задумчивости уставился в одну точку. Перед глазами промелькнуло лицо Рихтера во время допроса. Это было лицо психически больного человека, Эрих ничуть не удивился, что все вот так закончилось. Ему казалось, что, отвечая на вопросы следователей, в Рихтере сломалось то последнее, что связывало его рассудок с реальностью.

Эрих написал Михаилу письмо, в котором подвел итог их сотрудничества. В личной встрече он не видел смысла, попросил выслать отчет о затратах, сообщить счет для послед-

него транша и пожелал ему удачи в профессиональной деятельности. После чего закрыл ноутбук и отправился ужинать.

Теперь приемы пищи проходили за кухонным столом. Большой дом, когда-то его гордость и плод многолетних мечтаний, сейчас совсем не радовал, а только кричал о его одиночестве. В мыслях Эриха наконец-то сложился образ нужного ему помещения, возможно, это должна быть квартира. Сначала гипнолог подумал о квартире, совмещенной с офисом, но тут же отменил эту идею – тогда он совсем не будет выходить из дома. Позже ему вспомнился период, когда они с Еленой жили в ее квартире на Кутузовском проспекте. Из-за бесконечного ремонта соседей и детского топота им пришлось купить участок и построить дом. Нет, квартира тоже была не вариантом.

Чтобы принять нового пациента, Краузе вместе с Василием занялся перестановкой кабинета. Из будуара Елены они принесли кушетку и поставили у окна. Письменный стол сдвинули в угол и освободили центр комнаты для двух кресел и журнального столика. Установили на треноге видеокамеру для съемки сеанса. Осмотрев комнату придирчивым взглядом, Эрих добавил несколько аксессуаров из библиотеки и остался доволен. Вполне презентабельно и уютно.

– Хорошо, что коллекцию музыкальных инструментов я снял еще до вашего приезда, – подметил Василий. – Иначе бы провозились до утра.

– Странно, но ее купили на следующий же день, – признался Эрих, оглянулся и бросил придирчивый взгляд на пустую стену. – Надо закрыть отверстия от креплений фотографиями из офиса. Ты сможешь это сделать?

– Конечно! – тут же согласился Василий и открыл чемоданчик с инструментами.

Тщательно подбирая фотографии, Эрих поразился собственному щегольству в прошлом. Сейчас он не придавал значения тому, во что одет, главное, чтобы было удобно. А ведь еще совсем недавно – фотографии это подтверждали – он отдавал предпочтения последним дизайнерским коллекциям. Как же меняет человека горе! Приоритеты смещаются, происходит переоценка ценностей. Он поймал себя на мысли, что мог часами рассуждать об этом с пациентами, но в своей жизни осознал перемены только после того, как боль от смерти жены ослабила хватку.

Когда совсем стемнело, доктор с бокалом вина не спеша прошелся по всему дому, пытаясь осмыслить масштаб своей затеи. Пожалуй, сроки, что он отвел под процесс распродажи имущества, оказались нереальными. А значит, ему можно не торопиться с выбором нового жилья.

Ночью не спалось, он, словно призрак, бесцельно шатался по дому, пока не столкнулся с Василием на цокольном этаже. После обхода, который он по обыкновению совершал в полночь, Василий молотил по боксерскому манекену.

– Не хотите спарринг? – предложил Василий, показывая

на огороженный канатами ринг.

Бросив тоскливый взгляд на свои боксерские перчатки, Эрих кивнул.

Глава вторая

После утренней пробежки Эрих распорядился, чтобы Василий занялся чисткой бассейна, ему не терпелось возобновить свои заплывы. До пробежки тело было сковано мышечной болью – следствие ночного спарринга. Сейчас, стоя в душевой кабине под водяным потоком, Эрих ощущал, как по всему телу пробегает приятная волна облегчения. Из душа он вышел бодрым и посвежевшим, протер запотевшее зеркало, увидел свое отражение и ужаснулся. Хотя ему и удалось в Италии прибавить в весе, до прежней формы было еще далеко. Доктор оценил ущерб, который нанесла ему личная трагедия: виски тронула седина, глаза полны нестерпимой боли, кожа туго обтягивает резко очерченные скулы. Как не старайся, он уже никогда не станет таким, как прежде.

В кабинет Эрих поднялся после завтрака и приступил к подготовке к сеансу. Переключил онлайн-переводчик на финский язык. Несколько минут пролистывал вопросник, которым когда-то пользовался во время сеанса. Раньше он мог воспроизвести его с закрытыми глазами, сейчас же понадобилось дважды прочесть текст, чтобы вспомнить и настроиться.

Пришло сообщение от Василия:

«Приехала Козырева с сыном».

Краузе тут же ответил:

«Проводи их в кабинет. Меня не беспокоить до конца сеанса».

Через пять минут дверь кабинета открылась, вошла Ирина, за ней плелся сутулый подросток, одетый в белую рубашку и костюм классического покроя, будто пришел в приемную университета, а не к гипнологу. Несмотря на его зажатость, парень Эриху сразу понравился. Короткая стрижка, взгляд открытый, от матери держится независимо. Хоть ему и четырнадцать, а он уже чувствует себя мужчиной.

– Здравствуйте, доктор, – Ирина втолкнула сына в кабинет и закрыла дверь.

– Здравствуйте, называйте меня Эрих, – Краузе повернулся к подростку и указал на кушетку. – Прошу вас.

– Сегодня нас ждет очередная встреча со следователями...

«Теперь понятно, почему она его так вырядила», – подумал Эрих.

– В интересах дела, – прервал он ее, – я бы предпочел не говорить о процессуально – следственных мероприятиях.

– О, конечно, – Ирина не скрывала своего разочарования.

– И еще, я хотел вас предупредить, что на время сеанса вам придется разместиться в гостиной.

Козырева выпрямилась как натянутая струна, она явно не ожидала такого поворота. А вот ее сын, напротив, испытал заметное облегчение и вполголоса произнес:

– Иди, все будет гуд.

– Вам нужно подписать договор, если все устраивает – приступаем.

С этими словами Эрих протянул ей договор. Последующие десять минут женщина скрупулезно вчитывалась во все пункты, сноски и приложения.

– Меня все устраивает, – она размашисто подписала там, где Эрих заранее поставил галочки, и вернула договор.

– Тогда начнем, – Эрих жестом показал ей на дверь.

Ирина нехотя поднялась и потрепала сына за волосы.

– Ма-а-ам, – простонал Максим и, смущаясь, отвел взгляд. – Дай свободы.

Когда дверь за ней закрылась, Эрих закинул ногу на ногу и взглянул на нового пациента. В начале своей практики гипнолог установил возрастные ограничения для сеансов, потому как с детьми ему совсем не хотелось работать. Максим был не только его самым молодым пациентом, его особенность была в том, что он помнил о прошлой жизни и без вмешательства гипнолога, а значит, к нему требовался принципиально иной подход.

– Ты слышал про регрессивный гипноз? – поинтересовался он, разглядывая обкусанные ногти подростка.

– Да. Смотрел ролики, читал комменты, – Максим сплел пальцы с такой силой, что они побелели.

– Хорошо. На первом сеансе я не погружаю пациента в гипноз. Мы просто беседуем. Расскажи, что ты помнишь о прошлой жизни. Мне нужно понять, в каком направлении

двигаться.

Эрих слышал, как из груди Максима вырвался протяжный стон – воспоминания вызывали у подростка неловкость и дискомфорт.

– Они меня считают крейзи! – неожиданно выпалил Максим. – Если не смеются, так шепчутся за спиной.

– Кто?

– Да все: родаки, френды, даже моя гирла. Сначала цыганила, типа Расскажи, а потом шарахалась, как от гремучей змеи. На следующий день вся школа знала наш треп до мельчайших подробностей. Можете представить, как весело, – Макс показал пальцами кавычки, – меня встретили в классе? Зашкварили по полной.

Слова пациента всколыхнули в памяти день, когда Эриха в старшей школе на несколько часов заперли в кладовой для уборщиков. Накануне он опрометчиво поделился с другом, что часто видит во сне, как его запирают в темноте, где он умирает от нехватки кислорода, а в конце разговора добавил, что сны спровоцировали страх темноты и теперь он вынужденно спит с включенной настольной лампой. По лицу гипнолога пробежала гримаса неприязни.

– После сеансов мы поставим точку в этом вопросе. Скажи, что ты помнишь о прошлой жизни?

Пальцы подростка расцепились, он задержал взгляд на докторе, как бы оценивая его надежность, затем, сдвинув брови, спросил:

– А вы не будете смеяться?

– А ты будешь рассказывать что-то смешное?

– Нет, наоборот.

– Тогда начнем? – в голосе Эриха слышалось нетерпение.

Максим кивнул и пятерней зачесал волосы назад.

– Ко мне приходят видения, это не сон, не фантазия... а знаете... как параллельная реальность.

Он замолчал, ожидая реакции, Эрих приободряюще кивнул, приглашая подростка продолжить.

– Как будто я проживаю сразу две жизни. Видения приходят когда угодно... не важно, один я или нет, отдыхаю или сижу в классе, – Максим взволнованно сглотнул и, смотря в окно, продолжил. – Раньше это были воспоминания обычной деревенской жизни. Не знаю, какое это время, но жизнь была без гаджетов, Интернета, супермаркетов и игровых приставок. Я видел как отец... ну... не мой отец, а тот из параллельной жизни... колет дрова, приносит воду из колодца. Тогда я был маленький и просто путался у него под ногами. Потом я уже помогал ему, рыбачил и охотился. Я был старшим в семье и видел, как родились мелкие. Самой младшей была Айли. С ней у меня были особо теплые отношения. В семье ее звали ангелочком, – при этих словах лицо Максима посветлело, словно он видел ее здесь и сейчас. – Она была самым нежным существом, что я знал. Ее жизнь... оборвалась так резко... все были в шоке. После ее смерти никто из семьи уже не был таким, как прежде.

Максим облизал пересохшие губы, и Эрих протянул ему бутылку минеральной воды, но тот отказался, словно боялся, что утоление жажды собьет его с мысли.

– Это было зимой. Иса уехал в город...

– Иса? Кто это?

– Отец, – тут же пояснил Максим. – Иса – по-фински отец.

– Понятно, продолжай, пожалуйста, – снова подбодрил его Эрих.

– Мать и младшие братья и сестры были в доме. А я по поручению отца обтесывал доски для будущего стола. Айли играла рядом. Время от времени я поглядывал на нее, чтобы она не проявляла интерес к инструментам. Уж больно она любопытной была, – Максим шумно сглотнул, к лицу подступила краска. – Собаки подняли бучу, я пошел посмотреть. Оказалось, это лиса подкралась к курятнику. Собаки погнались в лес. Когда я вернулся в мастерскую, Айли уже не было. Я подумал, она убежала в дом к матери, и продолжил работу, но потом раздался ее истошный крик... где-то в лесу. Всей семьей мы побежали на ее поиски... Когда нашли...

Рассказ резко оборвался, Максим тяжело задышал, глаза увлажнились. Эрих не раз слышал подобные истории и у него выработался некий профессиональный иммунитет, но его удивило то, что на протяжении многих лет, раз от раза пациент проживает боль утраты в реальной жизни. Такая психологическая нагрузка очень опасна даже для взрослого

человека, а перед ним, в сущности, ребенок. Как же ему удалось справиться, учитывая, что рассказать всю правду он никому не мог.

– Продолжай, – мягко подтолкнул Эрих и сделал пометки в блокноте.

– Что вы там пишете? – внезапно вспыхнул Максим.

Эрих понимал, что дальнейший рассказ для пациента особенно труден и он ищет, за что зацепиться, чтобы оттянуть момент.

– Делаю для себя пометки, – без эмоций ответил Эрих, – например, сейчас я написал, что у тебя очень крепкая психика, раз ты справился с такой эмоциональной нагрузкой. Интересно, что тебе в этом помогло?

– Мои фантазии, – быстро отозвался Максим. – Каждый раз я представлял, что мы находим ее в доме или еще где-нибудь, но только не в лесу. Мне становилось легче, ненадолго... в общем, как-то так.

– Хорошее упражнение, но оно не приближает к ответу на вопрос: почему тебя преследует прошлая жизнь.

– Я знаю ответ на этот вопрос, – Максим поднял на доктора покрасневшие глаза. – Меня мучает чувство вины. Я не уследил за Айли. Мать вышла на крыльцо и сказала: «Тармо, пригляди за Айли». Мне поручили, я не справился.

Не в силах усидеть на месте, Максим вскочил и начал ходить по кабинету. Первым желанием было выскочить из дома и послать всех к черту. Но как только эта мысль офор-

милась, перед его взором возник образ маленькой белокурой девчушки в белой вязаной шапочке. Поверх суконного пальто на ней был надет жилет из лисьей шкуры – когда-то его носила старшая сестра. Девчушка помахала ему рукой и улыбнулась.

По тому, как резко Максим замер и изменился в лице, Эрих понял, что именно сейчас его пациент во власти видения. Левая ладонь юноши делала круговые вращения, будто он кого-то гладил, подбородок дрожал. Из груди то и дело вырывались мучительные стоны. Эрих глаз не сводил с подростка. За всю его практику это был первый подобный случай. В голове тут же промелькнуло название новой книги.

Пациент вздрогнул и начал ощупывать взглядом обстановку в кабинете, было видно, что на несколько секунд он оказался дезориентирован.

– Долгое время я не понимал, что с ней случилось. У меня не получалось проникнуть в тот момент, будто меня кто-то держал. А увидев того мужчину на пейнтболе, я вдруг попал в тот самый момент... момент смерти и увидел... все увидел.

Максим встал у окна и наблюдал за Василием, что хлопотал у бассейна.

– Мы нашли Айли в капкане... на участке соседа, – еле слышно вымолвил Максим, по щекам катились слезы. – Сосед стоял над ней, руки по локоть в крови, видимо, пытался спасти. У Айли измученное и белое как снег лицо, невозможно было на нее смотреть. Я не знаю, каким образом, но в

капкан попала верхняя часть туловища... плечи и ключица были зажаты зубцами с такой силой, что мы не сразу смогли ее высвободить. Enkelä on kuollut.

– Что это значит?

– Ангел мертв.

***

Экран ноутбука окрашивал ее заплаканное лицо голубым свечением. Взгляд зафиксировался на трех предложениях – единственное подтверждение того что он жив и уже совсем близко. Первым желанием было броситься в гараж, сесть за руль своего новенького двухместного «Ягуара F-Таре» и помчаться в его коттедж, но эту идею пришлось отвергнуть, так как отец еще в своем кабинете, а значит, дом кишит секьюрити.

В качестве компромисса Зоя открыла папку с фотографиями Эриха и в третий раз за день начала просматривать снимки, которые ей удалось сделать весной. Вот Эрих гуляет по их парку. Она запечатлела его в перерывах между сеансами, которые он проводил с ее отцом. Вот они летят в Италию на частном самолете. Эрих только что прочитал ей стихи, на лице печать скорби. Но как же он прекрасен и загадочен! Зое хочется разделить его боль и осушить чашу страдания вместе с ним. Следующие фотографии ей удалось сделать в «Ла Скала», где Эрих был по-особенному красив и элеган-

тен: черный смокинг, новая стрижка, аристократичная осанка. В тот день он сбрил придававшую ему возраст бороду.

За время разлуки Зоя так истосковалась, что от переполняющих ее чувств потеряла душевное равновесие, а вместе с ним аппетит и сон. Это заметили ее родители и подруги. Даже Петр Семенович – глава безопасности – вчера спросил, как дела у гипнолога, от чего она тут же залилась краской. Мать о ее влюбленности и слышать не хочет, говорит, что он для нее стар, ведь между ними, как пропасть, пролегла разница в возрасте в двадцать лет. Зоя старалась объяснить, что с ровесниками ей не комфортно, что ей не о чем с ними говорить, да и матери ли в этом сомневаться! Ведь у них с отцом почти такая же разница. Но мать гневно на нее зыркнула и потребовала в ее присутствии об Эрихе Краузе больше не вспоминать. После этого разговора Зоя убежала в свою комнату, откуда вот уже несколько дней в знак протеста не выходила. Такую реакцию она демонстрировала впервые, чем вызвала недоумение у родителей и братьев.

Предыдущей ночью Зоя не сомкнула глаз. Ее одолевала фантазии, местами очень откровенные и интимные. Она то безудержно плакала, окропляя подушку слезами неразделенной любви, то мечтательно рассматривала его фото. Зоя знала каждую морщинку на его лице, каждую прядь волнистых волос. Для нее он был самым лучшим, чтобы там ни говорила мама, она добьется от Эриха внимания, любой ценой.

Стук в дверь вывел ее из ступора. Мать в очередной раз

попыталась войти, но Зоя была непреклонна.

– Котенок, открой, – на этот раз голос матери звучал нежно и примирительно. – Мы с папой поговорили и приняли решение.

Эти слова заставили Зою подняться с кровати и открыть дверь.

– О боже, детка, на кого ты похожа, – мать с ужасом прижала ее к груди. – Нельзя так себя изводить.

Почувствовав объятия матери, Зоя не выдержала: плоти-на, что сдерживала эмоции, прорвалась и она расплакалась.

– О, котенок, мы с папой не предполагали, что все настолько серьезно, – запричитала мать, поглаживая дочь по голове.

Через минуту Зоя успокоилась. Мать смирив ее критиче-ским взглядом, села на диван и похлопала рукой по диван-ной подушке. Дочь села рядом.

– Мы с папой готовы тебе помочь, но с одним условием: никакого давления на Эриха.

Зоя с готовностью закивала.

– Ты должна понимать, что потерять жену после пятна-дцатилетнего брака очень трудно. Нужно время, чтобы вер-нуться к прежней жизни. Конечно, то, что он сам психоана-литик, ситуацию упрощает, но не настолько, как тебе бы хо-телось.

– Я все понимаю, мама, – Зоя склонила голову на плечо матери. – Спасибо, что идете мне навстречу.

– Мы не можем по-другому. Ты наша кровь и плоть. Твоя боль – наша боль.

***

После предварительной беседы Максим настоял на погружении в гипноз, и Краузе уступил. Он почувствовал, что это не простое подростковое упрямство: пациент был убежден, что роковая встреча с убийцей его сестры имела сакральное значение и запустила некий процесс, ограничив его во времени. Когда волнение Максима перед сеансом улеглось, доктор провел подготовку и без осложнений ввел юношу в гипноз.

– Впереди ты видишь вход в туннель... войди внутрь. Тебе нужно пройти его до конца. Стенки туннеля темные, но по мере приближения к выходу будут светлеть, в конце тебя окутает яркий свет. Ничего не бойся. Ты в безопасности. Слушай мой голос.

Пациента окружал полумрак. Он разглядел очертания туннеля и заглянул внутрь, но идти дальше совсем не хотелось. Несмотря на заверения доктора о безопасности, создавалось такое ощущение, что заходить в туннель ему нельзя. Краузе повторил установку двигаться к свету. Максим постоял какое-то время в замешательстве, потом все же зашел и медленно зашагал. От волнения пересохло в горле. Ноги не слушались. По лицу стекали капельки пота.

– Я буду считать от десяти до одного, когда скажу один, ты окажешься в своей предыдущей инкарнации. При этом сохранишь свою личность и будешь понимать, что это твоя прошлая жизнь, – вспомнив предыдущий случай, Краузе еще раз настоятельно произнес: – Ты не будешь прошлую личность отождествлять с нынешней. Десять... девять. Входи в туннель и набирай скорость. Восемь... семь... двигайся все быстрее и быстрее. Шесть... пять... Стены начинают светлеть.

«Мне туда нельзя!», – проносилась в голове Максима навязчивая мысль.

– Четыре... три... Стены почти белые, ты видишь выход. Яркий, ослепительный свет застилает тебе глаза.

Свет в конце туннеля затягивает Максима, словно турбина самолета. Раздается громкий свист, он вот-вот окажется в ослепительном свете, но в последний момент чья-то рука хватает его за плечо, вырывает из объятий света и вталкивает в еле заметную боковую дверь.

– Два... один... Ты в ослепительном свете. Что ты видишь?

Максим стоит в полной темноте и в оглушительной тишине слышит только собственное дыхание. Ему страшно, но не настолько, чтобы убежать назад в туннель.

– Ты меня слышишь? – Эрих внимательно разглядывал лицо пациента.

Максим разомкнул пересохшие губы и тихо ответил:

– Да... я... слышу вас.

– Хорошо. Что ты видишь перед собой?

– Темно. Ничего не вижу.

– Хорошо. Почему темно? Это ночь?

– Нет. Я там, где всегда темно... меня не пустили в свет.

Эрих потерял дар речи, такой сценарий вхождения в прошлую жизнь в его практике наблюдался впервые. Обычно все пациенты без препятствий проходили через временной туннель и оказывались в прошлых жизнях. Минуту гипнолог соображал, как отреагировать на ситуацию.

– Кто не пустил?

– Не знаю...

– Где ты сейчас находишься? Что это за место? Опиши его.

Максим огляделся по сторонам, пытаясь понять, где он, но все тщетно.

– Что ты видишь перед собой? – настойчиво повторил Эрих.

– Ничего. Все еще темно. Мне страшно, но не так, как в туннеле.

Краузе подался корпусом вперед и произнес командным голосом:

– Темнота рассеивается, ты видишь все отчетливо и ясно. Ничего не бойся. С тобой ничего не случится.

В этот момент перед Максимом возник тонкий лучик света, освещающий путь, будто направленный откуда-то сверху

специально для него. Он сделал пробный шаг, потом второй, под ногами чувствовалось что-то твердое, похожее на шероховатый камень. Луч запрыгал в темноте, Максим понял, что идет по мосту, похожему на акведук. Он посмотрел по сторонам и увидел, что под ним зияет пропасть. Набравшись храбрости, он ускорил шаг, преодолел мост и оказался перед массивной двустворчатой дверью. С правой стороны он уловил движение и замер. На мост вышел высокий мужчина в черном плаще, верхняя часть его лица была скрыта капюшоном. Юноша незнакомца не боялся, скорее наоборот, был рад встрече.

– Максим, не молчи, где ты сейчас находишься? – Краузе терял терпение.

– Я прошел мост.

Максим задрал голову и увидел каменное сооружение, уходящее в бесконечность и похожее по архитектуре на готический замок. Пришло осознание, что он какое-то время жил здесь, за этой дверью, но по ту сторону моста никогда не ходил. Мужчина снял капюшон, и Максим улыбнулся.

– Наставник... – прошептал он.

Краузе не расслышал и попросил повторить, но Максим хранил молчание. Доктор стенографировал в блокнот свои наблюдения и по ходу анализировал ответы самого молодого пациента. Он чувствовал необычайное возбуждение и подъем духа, будто сама Вселенная вступила с ним в контакт и приоткрыла тайную завесу. В сознании мелькали тысячи во-

просов, он набросал примерный перечень, чтобы задать их пациенту после сеанса.

Наставник толкнул дверь, послышался жуткий скрежет, будто в эту дверь давно уже никто не входил, и жестом пригласил Максима последовать за ним. Вступив на знакомую территорию, он в который раз испытал восторг от величественной архитектуры. В реальном измерении таких зданий нет.

– Максим, пожалуйста, ответь мне, – теперь голос Краузе звучал мягче, даже просительно. – Где ты сейчас находишься? Что видишь?

– Э-э-э... я... – тихо произнес Максим и с трудом сглотнул, – встретился с наставником.

Он поспешил за человеком в плаще.

Эрих быстро сделал пометки в блокноте и спросил:

– Как его зовут?

– Мишель, – тут же отозвался Максим, будто всегда знал его имя.

– Это он не пустил тебя в прошлую жизнь?

Наставник не произнес ни слова, но как только гипнолог задавал вопрос, Максим тут же осознавал ответ, будто попал в место, где ему были открыты все знания предыдущих воплощений, но пользоваться ими мог только под надзором Мишеля.

– Да. Говорит, что... – пациент сморщил нос, – мне в свет идти нельзя.

– Почему? – поинтересовался Эрих. Ситуация была очень необычная, он невольно бросил взгляд на видеокамеру, убедился, что сеанс записывается.

Максим помотал головой.

– Я не найду там ответы.

– А это место даст тебе ответы?

– Здесь я как дома, ну... это пока не сам Дом. Домой попадают души только после смерти, а я ведь еще жив.

Краузе понял, что Максим может дать ответы на давно интересующие его вопросы, и сразу этим воспользовался.

– Место, куда ты попал, обитаемо? Кто там живет?

– Никто. Это только мое место.

– Поясни, пожалуйста.

– Когда я блуждаю без тела, попадаю сюда.

– Блуждаешь? Как это?

Максиму отвечать не хотелось, но он сделал над собой усилие и пояснил:

– Ну... однажды я упал со скалы и ударился головой... вот... в реальности я лежал в кровати без сознания, а по эту сторону я был здесь... с Мишелем. Он успокаивал меня и поддерживал, ведь мне было очень страшно.

Доктор снова сделал пометки.

– Дом – это рай?

Максим нахмурился.

– Нет ни рая, ни ада. Есть Дом.

– Можно ли назвать место, где ты сейчас находишься, чи-

стилищем?

– Нет! – раздраженно выпалил пациент.

Эрих понял, что эти вопросы ему неприятны, и поспешил вернуться к сути регрессии.

– Почему наставник привел тебя сейчас в это место?

Максим шел мимо величественного здания, похожего на Пантеон, но превосходящего его размерами в десятки раз. Мишель молчал, а Максим изучал его римский профиль и степенную походку.

– Э-э-э... он говорит, что в туннель мне нельзя, а здесь я в безопасности.

– Что еще он говорит?

– Мы были здесь с Айли.

– Айли тоже воплотилась?

– Да... м-м-м... я ждал ее. Она не хотела, но... – он снова сглотнул с мучительной гримасой, будто это действие доставляло ему боль, – потом почему-то передумала. Я не знаю почему, а наставник не говорит.

– Что она не хотела? – уточнил Краузе.

– Снова рождаться... – на лбу и над губой выступила испарина, будто Максим испытывал сильное перенапряжение.

– Сколько лет ты ждал?

– Здесь время течет по-другому.

– А сколько лет прошло на Земле?

– М-м-м... получается... больше двухсот лет.

Рука Эриха быстро двигалась по блокнотному листу.

Срок, конечно, большой, но в практике Краузе встречались и большие перерывы между воплощениями. А вот что было действительно странно: ни один из предыдущих пациентов не говорил, что мог отказаться или отсрочить новое воплощение. Наоборот, описывали процесс воплощения как неподвластное им действие.

Голый череп наставника поблескивал в отсвете луча, который все еще прокладывал им дорогу. Крупное округлое лицо оставалось без единой эмоции, словно он лишен всяких переживаний.

– Спроси наставника, почему тебя преследуют воспоминания из прошлой жизни, – Эрих замер в ожидании ответа.

Послышался тяжелый вздох. Затем наступила минутная пауза.

– Я... до сих пор не нашел ее. Это плохо. Айли нуждается во мне. Мне нужно ее найти. Э-э-э... нужно это срочно сделать.

Доктор подумал, что все крутится вокруг Айли, будто Максим пришел в эту жизнь только для единственной цели и иных задач не имел.

– Хорошо. Спроси, где тебе ее искать?

С минуту Максим молчал, затем лицо посветлело, он улыбнулся.

– Айли захотела воплотиться рядом с убийцей, чтобы отпустить свою боль и обиду. Наставник говорит, что у нее это не получается. Еще он говорит... что пока мы с Айли были

со своими наставниками, убийца уже прожил... м-м-м... четыре жизни.

– А до той жизни, где Айли погибла, вы с ней уже встречались?

– Нет, но после ее гибели мы – парные души.

У подростка сильно задрожали руки. Эрих подсел к кушетке, померил пациенту пульс и давление. Все в норме.

– Что значит парные? – он вернулся в кресло.

– Э-э-э... наставник говорит, что вы-то точно знаете, что это такое. Ведь вы тоже парная душа.

Эрих обомлел. В памяти промелькнул образ жены. Он и Елена? В ответе не было ясности, и Краузе решил углубиться в тему:

– И все-таки... что такое парная душа?

Пациент чуть приподнял брови, будто что-то внимательно слушал. Эрих терпеливо ждал. Прошли мучительные две минуты, прежде чем он снова заговорил:

– Вот оказывается как... хм... Мишель говорит, что когда люди проживают трагическое событие... их души соединяются до тех пор, пока пережитые эмоции не перестают влиять на их судьбы. Иногда на это уходит не одна жизнь. Поэтому по ту сторону они всегда вместе... ждут подходящего момента... и воплощаются. Я хотел новых воплощений... мы ведь с ней молодые души, но ждал Айли.

Про возраст души Краузе уже имел общее представление и не стал заострять внимание.

– А какова твоя роль?

– Я должен ей помочь... если придется даже пожертвовать собой. Это мой перед ней долг. Иначе все будет только усугубляться.

Эрих взглянул на часы, время сеанса вышло.

– Ты можешь уже уходить или у тебя есть еще вопросы к наставнику?

К тому моменту Максим и Мишель обошли город и вернулись к мосту. Максиму стало грустно от того, что пришла пора прощаться. Они вышли из города. Наставник натянул на голову капюшон и шагнул в темноту, а Максим остался стоять перед мостом. Перспектива снова вернуться во временной туннель его пугала.

– Мишель ушел... ему больше нечего мне сказать. Моя жизнь еще не закончилась, подводить итоги рано.

Эрих вывел пациента из гипноза, и пока Максим приходил в себя и пытался осознать то, что увидел под гипнозом, быстро пробежался глазами по записям.

– Итак, вот что мы имеем: тебя звали Тармо, ты жил двести лет назад на территории современной Финляндии в деревне.

– Кюля, – с улыбкой поправил его Максим, после гипноза настроение его изменилось, он заметно повеселел и приободрился, – по-фински это деревня, не важно... большая или маленькая.

– Кюля, – повторил Эрих, подавляя улыбку. – У тебя бы-

ла младшая сестра Айли, с которой вы парные души. И мы знаем, что Айли в прошлом воплощении умерла от несчастного случая.

– Он ее убил! Вернее... ее убили его безответственность и упрямство, – Максим вскочил на ноги, мгновенно потеряв над собой контроль, и с горячностью продолжил. – Отец просил его не ставить капканы. Наши собаки часто забегали на его участок. Но сосед был злым и нелюдимым. С отцом у них была вражда из-за спорного участка.

– Расскажи об этом, – спокойно попросил Эрих и закинул ногу на ногу.

С тяжелым вздохом Максим плюхнулся на кушетку и прикрыл ладонями пылающие щеки.

– Землю нашему соседу подарил шведский король Густав, за то, что тот разводил породистых лошадей в армейской конюшне. Помогал, так сказать, ратному делу шведов-оккупантов. Земельным наделом наградили, не вникая в границы, и получилось так, что часть нашего участка стала принадлежать ему. В деревне все считали его предателем.

– Как его звали?

– Юнас. Отец его люто ненавидел, всегда держался холодно, но говорил с ним подчеркнуто вежливо. Боялся его спровоцировать. Сосед же бункер распахнет и орет как резаный по любому поводу. Отец часто повторял: «Громкий голос – признак пустоты».

– Похоже, ты очень любил отца...

Максим кивнул.

– Он был лучше, чем нынешний. Тот был честный, открытый, не боялся ответственности. Нотаций не читал, воспитывал собственным примером. Никогда не видел его праздно шатающимся. Всегда за работой или что-то мастерил.

– А нынешний?

– Не любит говорить напрямую, – в голосе Максима теперь проскальзывали гнев и неприязнь. – Действует через мать. Мне в глаза только улыбается. Начитается заумных книг о воспитании и втирает матери. Хорошо, что мать его не слушает, кивает, а сама делает, как считает нужным. Раньше они постоянно ссорились, но потом мать поняла, что лучше с ним не спорить, иначе нахлебашься его занудства.

От мысли, что Максиму нужен не только гипнолог, но и психолог, Эрих поджал губы и забарабанил ручкой по блокну.

– Прискорбно все это слышать, но ты сейчас должен сконцентрироваться на поиске Айли. Видимо, она и есть разгадка всей этой ситуации.

– Но как я ее найду, если она рядом с убийцей? С этим... как его? Алексеем... Забыл его отчество.

– Я постараюсь тебе помочь. Не на этой неделе, конечно, а как только его выпишут, навещу его. Расспрошу об окружении.

– Вы сделаете это для меня? – Максим выглядел обескураженным, будто до этого момента никто из взрослых ниче-

го не делал для него бескорыстно. – Не думаю, что это входит в условия договора.

– Работа гипнолога – это найти разгадку проблемы, с которой столкнулся пациент. Это главное. Я сделаю это не только для тебя, но и для моего друга. Похоже, ему тоже придется пройти через регрессию. Ну и, конечно, для Айли. Раз наставник сказал, что девочка нуждается в тебе, значит, так и есть. Ведь не зря же ты столкнулся с убийцей именно сейчас.

– Если его окружение не приведет к разгадке, как нам быть? И как вы поймете, что это Айли? Она ведь может быть кем угодно, даже его женой.

– Да, это сложный процесс, возможно, после регрессии сам Алексей даст на него ответ.

– Я надеюсь на это. Иначе снова трындец.

***

Кладбищенскую тишину разрывали завывания порывистого ветра и карканье настойчивого ворона, который решил сопровождать Эриха от машины до могилы жены. Он маневрировал над головой доктора с филигранной точностью, затем усаживался поблизости на возвышении и недовольно каркал, расправляя крылья, словно ругал за то, что тот не соизволил появиться здесь раньше.

На мраморном надгробье несколько свежих букетов и открыток, но они не вызвали у Эриха интереса. Его глаза неот-

рывно смотрели на портрет жены. На нем она совсем на себя не похожа. Веселые искрящиеся глаза, лукавая улыбка. Такой Елены Эрих не видел последние десять лет. Даже после длительной разлуки она встречала его с печатью таинственной мечтательности на лице, словно только что разгадала тайну бытия и готова с ним поделиться. Наверное, эта фотография была сделана кем-то из семьи, так как Эрих видел ее впервые.

Больше всего на свете Краузе ненавидел гнетущую атмосферу кладбища, даже на могилу к родителям приезжал редко. Этот раз был не исключением, пяти минут не прошло, как на него навалились тоска и горечь потери. Только что зарубцевавшаяся рана открылась и снова закровоточила. Копившиеся месяцами эмоции вырвались наружу, Эрих не стал их сдерживать. Из глаз хлынули слезы. Несколько минут его плечи вздрагивали и сотрясались, будто отбивали блюзовый ритм любимой мелодии Елены. Изредка из груди вырывались глухие стоны. Все вокруг замерло, даже ворон крутил головой из стороны в сторону, не издавая ни единого звука.

Успокоившись, Эрих присел на мраморную скамью и уставился на лампаду, в которой еле виднелся огарок свечи. Он вспомнил последний ужин с женой, затем многодневные поиски и, наконец, опознание ее тупа в морге. В отличие от Роберта Исааковича – отца Елены, – осознание утраты к нему пришло гораздо позже.

Эрих машинально потянулся к одной из открыток и про-

читал кем-то оставленное прощальное послание. Это был отрывок из стихотворения Уильяма Блейка:

*Рука Возмездия найдет
Того, кто в Пурпуре цветет,
Но мститель, пусть он справедлив,
Убийцей станет, отомстив.*

С минуту Эрих крутил открытку в руках. Постепенно смысл прочитанного проникал в его сознание. Кто мог такое написать? Да и зачем? Открытка была не подписана и лежала особняком от других. Накануне лил дождь, но бумага совсем сухая, значит, открытку оставили недавно. Эрих вскочил на ноги и осмотрелся. Никого, кроме медленно бредущей пожилой женщины в соседнем ряду могил.

Даже здесь он не может побыть наедине со своим горем, отдаться скорби и оплакать супругу. Кто достает его своими шарадами?.. Решение он принял молниеносно, сфотографировал текст и быстрым шагом направился к кованым воротам. Посещение могилы жены желаемого облегчения не принесло, наоборот, Эрих от злости стиснул зубы и сжал кулаки, словно солдат, готовый прыгнуть в атаку.

***

Вечером того же дня Краузе сидел у камина в гостиной.

Состояние не изменилось, печаль и скорбь, терзающие его душу, продолжили свой поединок. За окном накрапывал летний прохладный дождь. Эриха бил озноб. Он разжал руку и извлек градусник. Температуры нет. Странно. Теперь ему казалось, что всему виной его посещение кладбища, будто, покидая это мрачное место, он забрал с собой весь холод мертвецов.

На телефон пришло сообщение. Крюков просил о встрече. От разочарования Эрих застонал, он надеялся, что хоть детективу не нужно объяснять, что на данный момент его жизни общение с посторонними нежелательно. Доктор написал, что ему нездоровится и подтвердить встречу пока не может.

Василий сдержал обещание: на столе стоял видеомагнитофон, уже подключенный к телевизору. Эрих, словно старик, кряхтя, поднялся с кресла и раскрыл коробку. Выудил первую попавшуюся кассету и вставил в видеомагнитофон. Съемка в движении. Белоснежный катер медленно набирает ход и выходит из бухты в открытое море.

– О чем думаешь, любимая?! – спрашивает Эрих жену, стараясь перекричать шум мотора.

– О нас! О прошлой ночи! – она улыбается и снимает очки-капли. Глаза щурятся от солнца.

Катер бороздит волны, оставляя за собой пенный след. Остров Сардиния – любимое место отдыха жены. Елена в белом просторном сарафане с мечтательным видом одной ру-

кой крепко держится за поручень, другой придерживает широкополую шляпу.

Ее редкая улыбка, от того и такая ценная, освещает лицо. Несколько минут он безотрывно смотрит на экран. Ее лицо крупным планом. Плавная линия губ и четко очерченный подбородок. Прямые шелковистые волосы развиваются на ветру. Елена машет туристам, что столпились на палубе следующей тем же курсом яхты. Они ей отвечают громкими возгласами. Сильный порыв ветра поднимает сарафан и оголяет ее стройные загорелые ноги. Слышится ее восторженный визг.

Какой же это год? Эрих поворачивает пластиковый футляр от видеокассеты. 2005-й. Как же они были тогда счастливы... и каким же надо было быть идиотом, чтобы все потерять! Как он мог не замечать на протяжении многих месяцев, что жена самостоятельно борется с депрессией?

Уже второй раз за день по щекам Эриха текут слезы. Наверное, это хорошо. Может, так он начал ее отпускать? Раньше его сердце было похоже на кусок обугленной плоти.

На лестнице мелькнула внушительная фигура Василия – Эрих увидел его отражение в стеклянной стене, – но, оценив обстановку, водитель быстро ретировался. Видимо, хотел предложить спарринг, но понял, что Эрих сейчас не в состоянии выйти на ринг.

Послышалась блюзовая импровизация. Эрих снова устремил взгляд на экран. Елена в красном длинном платье, об-

легающем ее точеную фигуру, словно вторая кожа, танцует с ним на танцполе ресторана. Эрих снимает ее лицо крупным планом.

– Осторожно, милый, не ударь меня камерой, – предостерегает она в танце.

Кто-то из туристов предлагает свои услуги оператора, Эрих, не выключая запись, охотно передает камеру. Теперь они слились в одно целое. Он и она. «Идеальная пара для идеальной жизни» – так частенько говорили в их окружении.

Краузе перенес видеомагнитофон с кассетами в кабинет и почти всю ночь оцифровывал семейный архив. Под утро он свалился на диван с дикой головной болью и с припухшими от слез глазами. Проворочался целый час, но так и не смог заснуть. В памяти навязчиво мелькала фотография с надгробья жены. Кто сделал эту фотографию? Кому так соблазнительно улыбалась Елена?

Глава третья

Краузе работал в кабинете над сбором данных для новой книги, когда ему на мобильный телефон пришло смс от Пастыря.

«Мы можем встретиться?».

Алексей Мартынов уже несколько дней как выписался из больницы и ранее уже делал попытку заманить сокурсника к себе домой, но Эриха, как назло, отвлекали вопросы по продаже дома и имущества. В задержке решения проблемы своего самого молодого пациента он был не заинтересован, поэтому дал себе зарок, что на этот раз ему никто и ничто не помешает.

«Да! Где? Когда?».

Алексей изъявил желание приехать к нему в коттедж, и Эрих не стал его отговаривать. Конечно, ему хотелось самому осмотреть квартиру сокурсника, полистать семейные фотоальбомы, расспросить о соседях и сослуживцах, но он решил, что будет форсировать события после первого ознакомительного сеанса, а пока нужно прощупать почву и подготовить сокурсника к гипнозу.

В назначенное время Мартынов приехал на такси и, опираясь на руку старшего сына, вошел в дом. Василий проводил гостя в кабинет. Увидев друга, Эрих бросился ему навстречу. После стандартных вопросов о здоровье они распо-

ложились в двух креслах в гостиной у стеклянной стены, куда Вера Ивановна подала им кофе и ее фирменный слоеный пирог.

– Анисимова сказала, что ты уже провел сеанс с Максимом и все пошло не по плану. Он даже не вошел во временной туннель?

Метод, который разработал и практиковал Краузе для погружения пациентов в регрессивный гипноз, не раз критиковался коллегами и институтскими друзьями, вызывал скепсис адекватности полученных данных, а порой даже насмешки и недоумение. Поэтому новость, что Анисимова обсуждала сеанс с Пастырем, вызвала в Эрихе злость и досаду.

– Да, – вынужденно признался Эрих и мысленно дал себе зарок, что их сокурсница больше не получит от него ни одного комментария до окончания дела. Он сам еще не разобрался в ситуации, а она уже дает оценку его действиям, комментирует его «неудачи». – Впервые я столкнулся с атипичной реакцией на регрессию.

– Что намерен делать?

В вопросе сокурсника не было издевки, и Эрих снизошел до ответа, рассказал о предыдущем воплощении Максима, о гибели сестренки и соседу по имени Юнас.

– Я грешил на пейнтбол, думал, что имитация военных действий могла пробудить в нем кармическую память. Соответственно ожидал от тебя рассказа о битве или завоевании какого-то селения, где могла погибнуть его сестра, но

капкан... нда. Дико как-то, – Алексей почесал переносицу и ослабил галстук.

– На данном этапе у нас только одна загвоздка: как найти Айли в твоём окружении? Она ведь может быть где угодно.

– Да, задача не из легких...

– Если бы я тебя спросил, кто из твоих знакомых или близких сейчас нуждается в помощи, что бы ты ответил?

– Даже не знаю... – Алексей пожал плечами, – никто на ум не приходит.

В комнате воцарилась тишина. Эрих терпеливо ждал, пока сокурсник мысленно переберет круг знакомых.

– Это точно особа женского пола?

– По словам Максима, пока Айли не отработает кармический урок – не простит убийцу, они будут парными душами. Раз он в этом воплощении мужского пола, то она непременно будет женского.

– А почему они не могут быть просто однополыми друзьями?

– Я ничего не исключаю, но маловероятно. Скорее всего, это будут либо романтические отношения, либо родство первой или второй степени.

– Если предположить, что это мужчина, то первым делом я бы отметил своих сыновей, – упрямо гнул свою линию Алексей. – У старшего сейчас тяжелый период после самоубийства подруги. Для него это был удар, от которого он еще многие годы не оправится. Возможно, после этого у него са-

мого были суицидальные мысли... хотя он это отрицает, – Алексей тяжело вздохнул и сплел пальцы в замок. – Младший сын никак не может восстановиться после травмы, ты же знаешь, он у меня хоккеист.

Краузе кивнул, он помнил, как они с Еленой почти два года назад приходили поболеть за младшего Мартынова в Ледовый дворец.

– Ему предстоит очередная операция... А девочки... – Алексей покачал головой, – нет никаких девочек.

– С кем ты близко дружен? Может быть, их дочери?

На расспросы ушло не меньше часа. Как только Эрих ни разворачивал ситуацию, Алексей стоял на своем: ничего такого, что заслуживало бы его внимания, нет. Подытоживая поиски, Эрих спросил:

– Не хочешь пройти несколько сеансов? Это бы внесло ясность.

– Для успешного погружения в гипноз нужно хотеть быть загипнотизированным, я же не хочу. Мало того... я в это не верю. Нет, в регрессию как таковую я верю, но в рамках прижизненных воспоминаний. Их можно проверить и проанализировать, но прошлые жизни... – Алексей скривился, – не могу сказать, что это шарлатанство в чистом виде, но вопросов очень много.

– А как же десять лет моего опыта?

Мартынов тяжело вздохнул и бросил на Краузе извинительный взгляд.

– Эрих...

– Я тебя понял! – гипнолог вскочил и заходил по кабинету.

– Нет, дружище, дай мне высказаться, мы же за этим здесь собрались. Речь идет о моем здоровье.

Эрих вернулся в кресло, нахмурился и скрестил руки на груди.

– На мой взгляд, у тех, кто успешно проходит гипнотерапию отлично развиты связи между левым дорсолатеральным отделом префронтальной коры и зонами, отвечающими за обработку информации.

– А у тебя эти зоны не коммутируют?! – съязвил Краузе.

– Мой мозг, – Алексей постучал по голове, – единственный инструмент, которым я зарабатываю на жизнь. Что будет, если после регрессии у меня появятся ложные воспоминания? Что будет, если я не справлюсь с пережитыми воспоминаниями и впаду в депрессию?

– Для этого есть я, твой проводник и наблюдатель за ходом сеанса.

– Ты не всесилен. Ты сам говорил, что все пациенты разные и есть риск, что в какой-то момент все выйдет из-под контроля. Взять хотя бы Максима...

– Он в порядке, – Эрих стукнул кулаком по подлокотнику кресла, прерывая на этом полемику, – его просто не пустили во временной туннель.

Диспут с коллегой мог затянуться, а Краузе этого не хотелось, за годы профессиональных споров было столько жар-

ких обсуждений, что хватит на всю оставшуюся жизнь. Поэтому Эрих ткнул своего сокурсника в плечо и напрямую спросил:

– Неужели тебе не интересно, был ли ты убийцей на самом деле или нет?.. Даже по неосторожности.

Пастырем Мартынова в институте прозвали за правильность поступков и верность идеалам. Он мог заметить, как кто-то швырнул окурок мимо урны, и сделать замечание, а если натыкался на грубияна, то так отчитывал, что тот возвращался пристыженным, поднимал с тротуара предмет спора и выбрасывал точно в урну. Сейчас такую ситуацию представить сложно, но тогда, в конце восьмидесятых, это было реальностью, по которой Эрих в последнее время часто ностальгировал.

– Где ты сейчас принимаешь?

– Здесь, – Эрих показал на кушетку.

– Один? – удивился сокурсник.

– А тебе кто нужен? Анисимова?

– Нет! – рассмеялся Алексей. – Честно говоря, я хотел тебя попросить не говорить ей об этом деле... и так все сложно...

– Даю честное слово!

Алексей нервно разминал пальцы и с нетерпением поглядывал на дверь, и Эрих понял, что друг прямо сейчас к сеансу не готов.

– В первую встречу я не ввожу своих пациентов в гипноз, –

поспешил его успокоить Краузе. – Это мое правило. Первая встреча ознакомительная. Оценка психотипа, поведенческой модели, наличия желания решить проблему. Я вникаю в суть, понимаю, какие вопросы нужно задавать во время сеанса и где искать решение. Сеанс длится ровно час. К нему я могу добавить пять минут, если воспоминания нельзя прервать немедленно. И еще... – Краузе дождался, когда Алексей поднимет на него глаза. – После регрессии человек смотрит на мир глазами бессмертной души, ты должен это учитывать.

Эрих поднялся с кресла, прошел к книжному шкафу, взял с полки тонкую брошюру и вручил ее Мартынову.

– Прочитай, прежде чем приходить на первый сеанс.

Алексей покрутил брошюру, обратил внимание на фронтиспис с автографом автора, год издания и понял, что это одна из первых книг Краузе.

– Дружище, я читал ее, – с улыбкой поведаль он и отдал брошюру. – Не помню наизусть, но основные тезисы еще сохранились в голове.

– Регрессивный гипноз – долгое и трудоемкое путешествие, – продолжил вводить в курс дела Эрих. – Зарубежные коллеги практикуют сеансы по два-три часа, но я ограничиваюсь одним часом. Отсчет времени начинается от полного погружения в гипнотическое состояние. Хотя, конечно, заранее предусмотреть все факторы невозможно, все зависит от индивидуальных особенностей пациента.

Краузе проводил друга до гостиной, где терпеливо ждал его старший сын.

– Жалко этого Максима, – с досадой сказал Алексей, его сын поднялся с дивана, и всей процессией они двинулись в холл.

– Да, он произвел на меня хорошее впечатление.

– Ему светит условный срок. Не представляю, если бы кто-то из моих сыновей попал в подобную ситуацию...

Друзья договорились созвониться в ближайшие дни и попрощались у ворот. Вернувшись в кабинет, Краузе написал коротенькое сообщение Ирине, что беседа с Алексеем не внесла ясности, и попросил набраться терпения. На сообщение Ирина не ответила, но Эрих и не ждал, он знал о ее занятости.

Не успел он сесть за письменный стол и снова углубиться в сбор материалов для книги, как ожил его мобильный телефон. На экране высветилось улыбающееся лицо Ольги, старшей сестры Елены. Неделию назад Эрих сообщил ей, что был на кладбище, обнаружил странную открытку и спрашивал про портрет.

– Эрих, извини, что долго не перезванивала. Мы отдыхали с мужем в Португалии. Получила от тебя письмо и нахожусь в недоумении.

– Правда? Почему?

– Ты спрашиваешь о фотографии... но мы получили ее от тебя по электронной почте за два дня до похорон.

Эрих обомлел.

– Никакой фотографии я не посылал, – категорично выдал он. – Если бы я хотел какую-то определенную фотографию, то сам бы заказал портрет, но Роберт Исаакович дал мне понять, что обо всем позаботится, и я уступил. В тот момент я был не в состоянии думать о какой-то фотографии.

– Мы тоже удивились, но потом взглянули на снимок и поняли, почему ты его выбрал, она там такая... – голос Ольги дрогнул, – задорная и кокетливая. Где ты ее сфотографировал?

Ольга будто не слышала его, и Эрих четко и громко повторил:

– Я не посылал фотографию! У меня нет этого снимка. Я не знаю, кто его сделал! И как ты уже догадалась, меня очень интересует этот вопрос!

Нависла пауза. Ольга не знала, как реагировать на его резкую гневную вспышку, а Эрих с большим трудом заставил себя успокоиться.

– Кому понадобилось посылать нам... хм... от твоего имени... фотографию Елены?

– Не знаю! – Эрих выдохнул и застонал. – Ольга, сверь адрес почты, если это не мой адрес, вышли мне его.

Через пять минут на почту Эриха пришло письмо-переадресация, в котором было вложение – фотография Елены на фоне парижского отеля «Лувр». Краузе переписал электронный адрес в блокнот и откинулся на спинку кресла. В

этом отеле они никогда не останавливались, Эрих даже не смог припомнить, чтобы они хоть раз проходили мимо него. Что за чертовщина?

***

На следующий день во время завтрака Вера Ивановна протянула Эриху трубку стационарного телефона и сказала, что его спрашивает детектив Крюков.

– Да, Михаил, доброе утро.

– Здравствуйте, Эрих, извините, что беспокою так рано, но мне нужно срочно с вами увидеться.

– Я планировал сегодня весь день провести дома, так что подъезжайте.

Краузе ожидал, что детектив заберет остаток суммы по отработанным часам и накладным расходам и сразу уедет, но Крюков, войдя в кабинет, с ходу его огорошил:

– Эрих, думаю, что Рихтер не убивал вашу жену – его подставили.

– Что? – ноги подкосились, Эрих плюхнулся в кресло.

– Я уже хотел улететь из Италии, когда мне на почту пришли фотографии с предыдущих мест убийств, – Крюков разложил распечатанные снимки гостиничных номеров. – На местах преступлений у изголовья кровати стоят одинаковые часы, – Михаил показал на черные часы в деревянной рамке на подставке. – На всех часах выставлено одно и то же вре-

мя: 22-15.

От жуткой картины Эрих сморщился и отвернулся. В памяти всплыло припухшее от кровоподтеков лицо Елены. Для него это было невыносимо. Второй раз он не сможет через это пройти.

– Я вернулся в «Библос» и порасспрашивал работников отеля. Выяснилось, что накануне убийства для Рихтера в отель служба доставки привезла посылку. Ему сообщили о посылке, но он сказал, что ничего не заказывал и посмотрит на нее завтра. Посылку забрала полиция, и я наведалься к тому инспектору, что вел дело. Это оказались те же часы! Стрелки на 22-15!

– И что? – со скепсисом в голосе спросил Эрих. – Это прямое доказательство серийности.

– Это еще не все, – выставил вперед руку детектив и, видя реакцию клиента на снимки, быстро убрал их в кейс. – В гостиничном номере «Библоса» была пепельница с окурками, но Рихтер не курил! Рихтера подставили! Кто-то манипулировал им несколько месяцев. Тщательно заметал следы. Вел свою игру.

– Окурки... – доктор скривился, – хм... Рихтер мог начать курить. Полиция делала анализ ДНК?

– Я так понял, что нет.

– Вот видите... – в голосе Эриха слышался упрек. – Часы? Тут все просто. Это его сигнатура. Подпись, если хотите.

– Если это подпись, почему он не забрал посылку?

– Возможно, он не планировал убийство Асты, а купил их для другой жертвы. Не забрал потому, что не хотел, чтобы она их видела. На допросе он говорил, что она хотела принять участие в каком-то конкурсе. Ее отъезд Рихтер расценил как предательство и расправился с ней.

Крюков стиснул челюсти, он не знал, как убедить доктора в обратном, но понимал, почему Краузе изо всех сил отмахивается от его доводов. Сказать клиенту о своих интуитивных ощущениях он не мог, придется ждать дальнейшего развития событий, а то, что оно будет, он не сомневался.

– Почему мы решили, что у Елены был только этот слизняк Рихтер? Она и в Москве могла с кем-то развлекаться. Я пропадал на работе. Вера Ивановна не приходила каждый день, а Василий был со мной. Где была жена, что делала, я знал только из ее рассказов. Она и словом не обмолвилась о Дубровой. Ходила к ней год, – Эрих скорчил гримасу. – Мало ли где и с кем она могла встречаться. На днях выяснилось, что кто-то от моего имени послал сестре Елены фотографию и попросил поместить ее на памятник.

Эрих показал снимок открытки со стихами Блейка, поведал, что ее положили прямо перед его приходом на кладбище.

– Кто-то, как и я, скорбит по ней. Приходит на могилу и оставляет стихи.

– Так вот какой вывод вы из всего этого сделали?! – Крюков не скрывал своего разочарования.

– А какой я должен был сделать вывод?

– Ваша жена попала в лапы к маньяку-манипулятору, который заманил ее не потому, что она ему нравилась, а потому что у него с вами личные счеты. Он хотел сделать больно вам, а не ей. Елена была для него всего лишь инструментом.

– Мне?! У меня нет врагов! – возмутился Эрих. – Я же вам это уже говорил. Никогда и никому я не причинял зла.

– Это вы так думаете, а он так не считает. Он намеренно устроил встречу Рихтера с Еленой в одном ресторане, чтобы сбить вас со следа, и если вы вспомните, то на этой встрече с ним была Аста. Я сомневаюсь, чтобы Рихтер так рисковал. Две любовницы в одном ресторане. Уф! Это перебор. Открытка – не первое его послание. Он оставлял вам вино без пробки уже после ее отъезда. Заходил в коттедж по коду Елены и если бы не соседи вы бы об этом не узнали. Уверяю вас, Эрих, тогда была стадия наблюдения, а сейчас будет стадия наступления и лучше бы вам быть к ней готовым.

– Послушайте, Михаил, – закипел Эрих, – это выходит за рамки логики. Что, по-вашему, я должен был ему сделать, чтобы так меня ненавидеть? А остальных женщин он тоже из-за ненависти ко мне убил? Глупости! Вас занесло, признайте это, возьмите деньги, что я вам должен, и распрощаемся на этой ноте.

Краузе подвинул конверт и попросил пересчитать купюры. Детектив судорожно подыскивал нужные слова для убеждения, но потом понял, что клиент сейчас в таком на-

строении, что опровергнет любой его аргумент.

– Вы совершаете большую ошибку, Эрих, – Михаил пересчитал деньги. Поднялся, взял кейс и пошел к двери. – Сейчас у вас преимущество, он думает, что вы закрыли для себя это дело и стараетесь жить дальше.

– Я так и делаю, – заверил его Краузе. – Стараюсь жить дальше.

– Не думал, что вы отступитесь, вы создавали впечатление человека, для которого правда превыше всего.

– Правда?! – заорал Краузе, на шее вздулись вены, к лицу прилила кровь. – Правда в том, что я не знал своей жены! Я понятия не имел, что она принимала кокаин, что она ходила к психиатру. Не знал, что у нее были любовники! Перед тем как скрыться за дверью этого коттеджа, она сказала, что была плохой женой. Тогда я воспринял это как самоежество и самобичевание, коим она была подвержена, но сейчас... – Эрих перевел дыхание, – я не знал Елену. Что-то мне подсказывает, чем ближе я подойду к разгадке, тем сильнее будет разочарование.

Не прощаясь, Крюков покинул кабинет, а Эрих упал в кресло и закрыл лицо руками. Наружу прорвалось то, что он вынашивал уже не одну неделю, – обида. Она вызывала внутри брожение и не давала ему отпустить возлюбленную. Как Елена могла с ним так поступить? Ведь он любил ее и был верен. Рогоносец, вот он кто. Таким его считают теперь друзья, сокурсники и даже родственники покойной жены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.